

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера)

Российский фонд фундаментальных исследований

РУССКИЙ СЕВЕР

К проблеме локальных групп

К_р 1407939

Санкт-Петербург
1995

Е.А. РЯБИНИН

К этнической истории Русского Севера

(чудь заволочская и славяне)

В летописных известиях содержится только одно упоминание о дорусском населении Заволочья, включенное в этнографическое введение “Повести временных лет” при перечислении “всех языцей” “Афетовой части”: “...меря, мурома, весь, морьдва, заволочьская чюдь, пермь, печера, ямь, угра...”.¹ Эта вставка была сделана около 1113 г. при составлении первой редакции свода, причем сведения историко-этнографического характера восходят, предположительно, к более раннему источнику.²

Рассматриваемая “чюдь” локализована летописью “за Волоком”, в землях, располагавшихся на путях славянского освоения Русского Севера (рис. 1). Историко-географическое понятие этого термина трактуется по-разному. Н.П. Барсов относил к Заволочью бассейн Онеги, Северной Двины, Мезени и Печоры.³ По мнению В.О. Ключевского, волость Заволочье “находилась за волоком, обширным водоразделом, отделяющим бассейны Онеги и Северной Двины от бассейна Волги”.⁴ В историко-географическом исследовании А.Н. Насонова под Заволочьем подразумевается только территория, включающая бассейн Северной Двины; при этом не исключается возможность ее отождествления с известной по более поздним источникам Важской областью.⁵

В последнее время этот вопрос специально рассматривался Ю.С. Васильевым, предпринявшим попытку проследить динамику изменения понятия “Заволочье” во времени.⁶ По его наблюдению, в XI—XIII вв. этим термином обозначалась только новгородская волость, охватывающая бассейн р. Ваги. В последующий период (XIII—XIV вв.) понятие “Заволочье” приобрело расширительное значение, распространившись на Нижнее Подвинье — собственно Двину или Двинскую землю. В XIV—XV вв. термины “Заволочье” и “Двина” нередко заменяют друг друга, обозначая Двинскую и Важскую земли вместе. Наконец, после присоединения Новгорода к Москве понятие “Заволочье” становится еще более обшир-

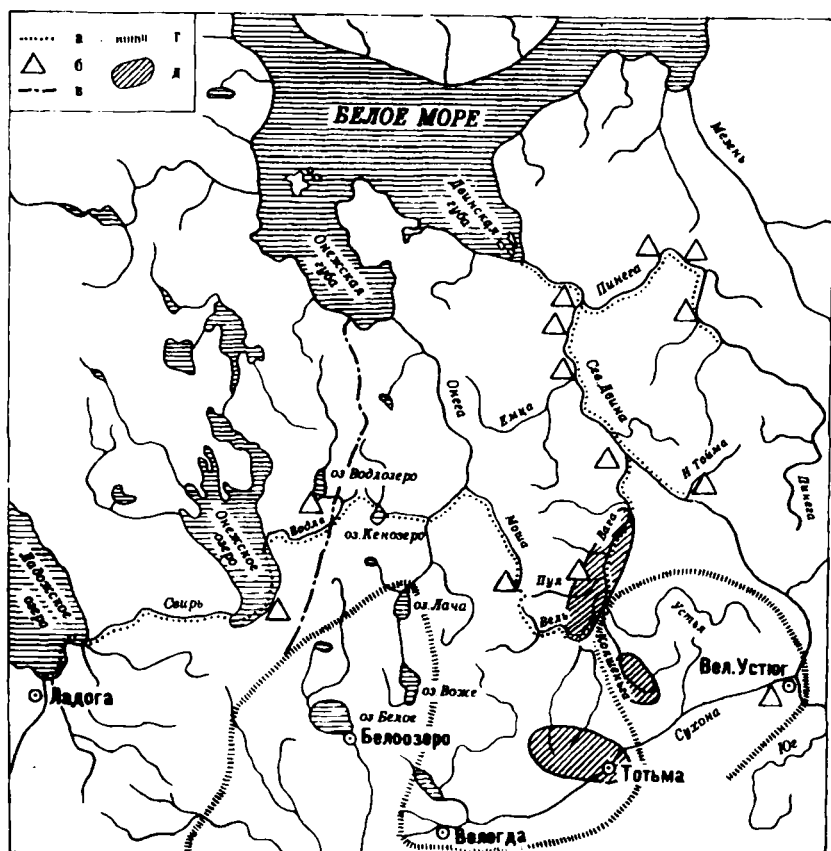

Рис. 1. Древнерусское освоение Заволочья в X—XIII вв.

а — основные пути северозападной колонизации Заволочья; б — новгородские становища Уставной грамоты 1137 г. (локализация по А.Н. Насонову); в — восточная граница Обонежского ряда; г — граница Новгородской и Ростово-Суздальской земель во второй половине XII—первой половине XIII в.; д — локальные группы чуди заволочской.

ным, охватывая Прионежье, Двину и территории к востоку от Двины до р. Печоры.

Таким образом, историко-географические разработки позволя- ют локализовать древнерусское “Заволочье” прежде всего в западной части бассейна Северной Двины, причем для XI—XIII вв. вероятна его взаимосвязь с областью по течению Ваги и ее притоков, для XIV—XV вв. — с Поважьем и Нижним Подвиньем. Реконструируе- мая по этим данным зона обитания чуди заволочской, разумеется, не исключает возможности того, что это население проживало и на прилегающих территориях.

Вопрос об этническом характере заволочской чуди затрагивался во многих исследованиях. По мнению ряда авторов, это наименова- ние имеет исключительно собирательное значение, географического происхождения.⁷ Вместе с тем еще в середине XIX в. наметилась тенденция к более определенной этнической атрибуции загадочной чуди. Так, М.А. Кастрен, исходя из характера финских заимствован- ний в северных (поморских) диалектах русского языка и особенно- стей местной топонимики, высказал предположение о прибалтийско- финской принадлежности аборигенов края.⁸ При этом он по-разному оценивал ее племенное происхождение, то отождествляя с летопис- ной весью, то отделяя ее от последней или же связывая с древней корелой. Родственную связь рассматриваемой чуди с финно-угор- ским населением Прионежья и “чухарями” Тихвинского и западной части Белозерского уездов (т.е. с вепсами) признавал в ранних рабо- тах Д.П. Европеус.⁹ Позднее, правда, этот основоположник “угор- ской теории” включил Заволочье в зону расселения древних угров.¹⁰

По мнению Д.К. Зеленина, заволочской чудью чаще всего в древности называли карелов, однако вследствие полугеографическо- го значения термина под ним могли скрываться и предки коми-зырян, и некоторые угорские народы.¹¹ В развернутом виде обоснование прибалтийско-финской принадлежности населения Заволочья при- ведено в работе Д.В. Бубриха, считавшего, что в языковом отноше- нии это была весь, заселившая Двинскую землю еще до русской (новгородской) колонизации; только низовье Северной Двины осва- ивалось карелами, но и то в значительно более поздний период.¹²

Положение о прибалтийско-финском (весским или карело-весс- ком) характере дославянских обитателей Заволочья получило при- знание и в последующих лингвистических исследованиях, основан- ных на материалах субстратной топонимики. “Сейчас мы уже не сомневаемся в том, — констатировал, в частности, А.И. Туркин, что населявшая бассейн Северной Двины и Мезени заволочская чудь со- стояла в основном из племен вепсов и отчасти карел”¹³. С весью (или вепсами и карелами) связывает прибалтийско-финский компонент в составе чуди заволочской Б.А. Серебренников¹⁴. Сходное мнение

высказывал и А.И. Попов,¹⁵ считая, однако, что исчезнувший “чудский” язык вряд ли можно прямолинейно отождествлять с ныне существующими западнофинскими диалектами. “Топонимика, — подчеркивал он, — свидетельствует о принадлежности заволоцкой чуди к прибалтийско-финской группе с языковыми отличиями от карел, а отчасти и от вепсов”.¹⁶

В пользу того, что по крайней мере часть обитателей Заволочья имела прибалтийско-финское происхождение, свидетельствует и сам термин “чудь”. «Этим именем, — отмечал А.И. Попов, — новгородцы и вообще восточные славяне называли по преимуществу эстов, но часто и многие прибалтийско-финские племена, близкие к эстам по языку... Нередко такое словоупотребление имело действительное обоснование, так как в Заволочье и далее к востоку имелось немало следов деятельности финно-угорских племен, в том числе и прибалтийско-финских, то есть “чуди” в собственном смысле слова.»¹⁷

Иной круг источников для доказательства вепсской принадлежности населения Заволочья был использован В.В. Пименовым, проанализировавшим фольклорный пласт преданий о чуди, распространенных на Русском Севере.¹⁸ Основные аргументы в пользу родства этих группировок сводятся к следующему:

1. Ареал преданий о чуди, отражающих контакты финно-угорского населения с русскими и лопарями, охватывает как бассейн Северной Двины, так и Ладожско-Онежское межозерье, занятое в древности весью; такие предания зафиксированы и в современной вепсской среде. “Есть только один народ, который в целом считает себя идентичным чуди, отождествляет себя с чудью, говорит о чуди как о своих собственных предках. Это — вепсы”.¹⁹

2. Вепсские параллели прослеживаются и по тем немногочисленным бытовым подробностям, которые можно извлечь из преданий. Так, представления о чуди, будто бы жившей в ямах, “несомненно нужно поставить в связь” с тем, что у вепсов и южных карел-ливвиков широко бытовала промысловая избушка в виде полуземлянки.²⁰

3. Хозяйство легендарной чуди вполне сопоставимо с экономическим укладом, выявляемым на материалах вепских курганов Приладожья.

4. Рисуемый в преданиях антропологический тип “чуди белоглазой” сходен с вепсами и карелами. К тому же этот фольклорный эпитет употребляется русским населением применительно к вепсам и некоторым близким им группам южных карел.

5. Хотя язык чуди и не сохранился, но данные топонимики свидетельствуют о прибалтийско-финской (древневепсской) принадлежности его носителей.

Указанные черты сходства при ареальных совпадениях источников преданий с зонами расселения чуди и вепсов являются, по В.В.

Пименову, свидетельством происхождения заволочской чуди от одного этнического корня — древних вепсов. Их начальное продвижение в некоторые районы Заволочья автор предположительно относит ко времени не позднее рубежа VIII—IX вв. В средневековую эпоху “чудь не представляла собой единого этнического массива, а жила небольшими гнездами, тяготевшими к водным путям сообщений”²¹. При этом подразумевается, что до появления новопоселенцев территория была пустынной и здесь могли проживать лишь редкие группы кочующих саамов.

Разработки В.В. Пименова, показавшие источниковедческую значимость фольклорных источников для реконструкции картины расселения чуди и ее взаимодействия с русскими и саамами, для воссоздания некоторых сторон быта и хозяйственной деятельности этого населения и даже его физического облика, в значительно меньшей степени, на наш взгляд, доказательны в решении этнокультурных вопросов. Большинство приведенных им свидетельств веско-чудского родства носят слишком общий характер или базируются на далеко не бесспорных параллелях.

Оригинальная этнолингвистическая концепция развития и смены языковых общностей создана на материалах субстратной топонимики Русского Севера А.К. Матвеевым. Им выделен мощный пласт гидронимов с формантом *-ньга (-еньга)*, характеризующийся очень компактным ареалом, массовостью топонимического типа (несколько сот названий) и фонетической близостью топонимов, находящихся в пределах основного ареала.²² Гидронимы на *-ньга* сосредоточены “в треугольнике, образуемом Вагой, Северной Двиной и Сухоной, хотя встречаются и далее на востоке вплоть до пределов Коми АССР, а также на западе — в бассейне Онеги, за которой исчезают”²³ (рис. 2). Очерчиваемая зона плотного распространения данного топонимического пласта включает, таким образом, историческую область Заволочья с прилегающими территориями и, согласно А.К. Матвееву, документирует былое проживание в этом регионе чуди заволочской. Формант на *-ньга (-еньга)* лучше всего интерпретируется на прибалтийско-финской почве, где он увязывается с генетивной конструкцией (*n + jogi, jegi*). Его связь с прибалтийско-финскими языками доказывается также анализом топооснов, находящихся многочисленные соответствия в языках прибалтийских финнов. Вместе с тем ряд топонимов на *-ньга* расшифровывается из марийского языка. Все это, по мнению А.К. Матвеева, свидетельствует о том, что “язык чуди заволочской по своему словарному запасу значительно отличался от остальных прибалтийско-финских языков. Возможно, что он занимал как бы промежуточное положение между прибалтийско-финскими и волжско-финскими языками”.²⁴ Его носители, включенные автором наряду с другими ныне не существующими финно-угорскими обитате-

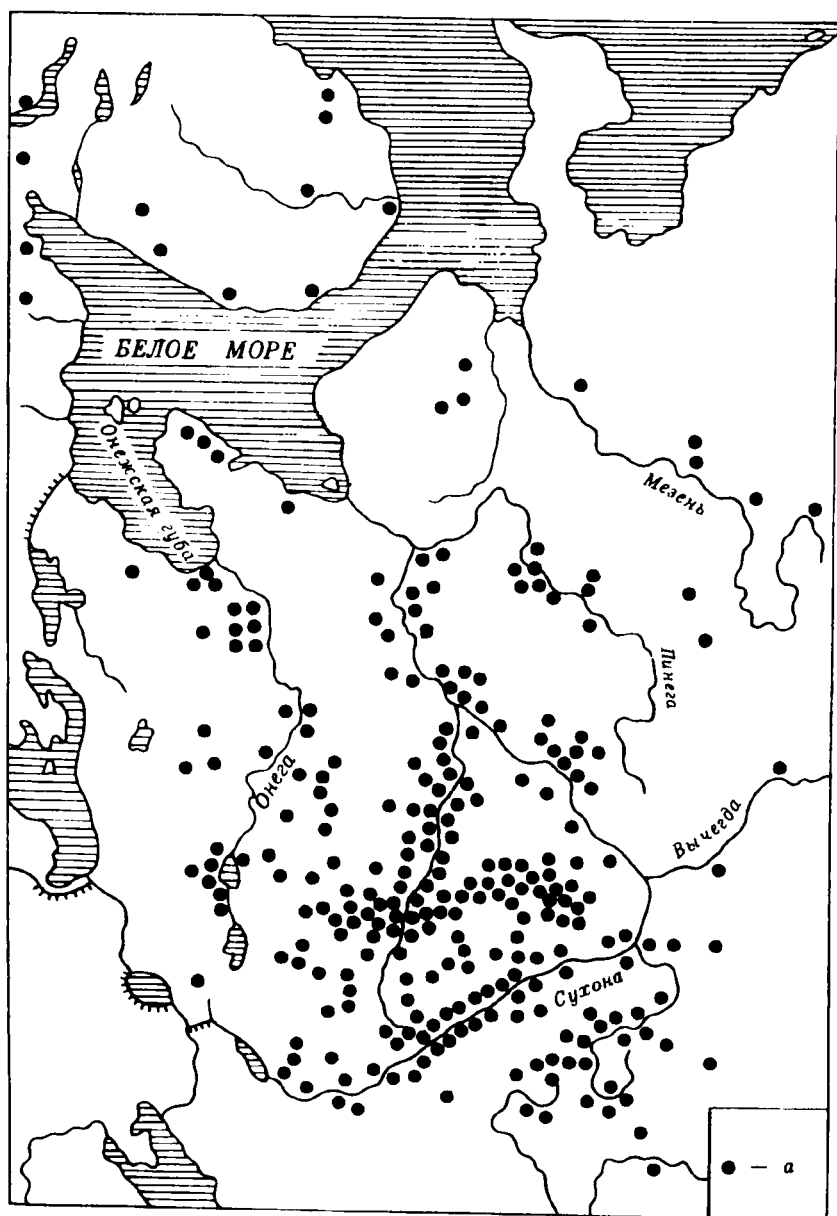

Рис. 2. Ареал топонимики на -nya (по А.К. Матвееву).
а — гидронимы с формантом -nya.

лями Русского Севера в особую севернофинскую группу, были не непосредственными предшественниками карелов и вепсов, хотя и находились в них в определенном родстве.²⁵

Вырисовывающаяся на материалах топонимики картина осложнена наличием в некоторых районах еще одного топонимического пласта, перекрывающего севернофинский, и предшествующего распространению здесь русских названий. Об этом свидетельствуют материалы микротопонимики (преимущественно наименования населенных пунктов и урочищ), образующие локальные, но плотные ареалы топонимов прибалтийско-финского происхождения. Последние близки языку названий на *-ньга*, но не тождественны ему. А.К. Матвеев связывает появление такой микротопонимики с последующим проникновением в Заволочье карело-финских племен, среди которых, возможно, были и “племена, говорившие на языках, промежуточных между карельским и вепским или вообще неизвестных ныне прибалтийско-финских языках”.²⁶ Сгустки прибалтийско-финских названий различных топонимических типов зафиксированы в Белозерье, Приозерном крае на юге Архангельской обл. (Кенозеро, Удозеро), на побережье и островах Белого моря, Онежском полуострове и низовьях рек Онеги и Северной Двины, на нижней и средней Пинеге. Сходные наименования выделяются и в среднем течении Двины, включая бассейн Ваги (в частности, топонимы на *-ла* типа Корбала, Ракула и т.д.), а также на средней Сухоне. Предполагается, что расселение разных этнических групп прибалтийских финнов в Заволочье происходило незадолго до русской колонизации, хотя новопоселенцы и успели создать на Севере свою специфическую топонимию. Очевидно, эти группы осваивали относительно небольшие участки территории, оседая отдельными гнездами.²⁷

Несмотря на значительные различия в оценке языковой и этнической принадлежности дорусского населения Заволочья, основной вывод о его родстве или по крайней мере близости к прибалтийским финнам разделяется почти всеми современными исследователями. Последнее не исключает присутствия в том же регионе иных этнических групп — саамов, волжских финнов и древних пермян.

Особую сложность представляет вопрос о соотношении летописной чуди с пермскими племенами и присутствии пермского этнического элемента в западной (левобережной) части Подвинья. Лингвистические данные показывают, что в северо-юго-западных диалектах коми языка (удорском, вымском, лузско-летском, нижневычегодском) имеется более 70 прибалтийско-финских слов, рассматривающихся в качестве древних заимствований из языка чуди заволочской.²⁸ Почти полное отсутствие таких заимствований в языке коми-пермяков свидетельствует об их усвоении западными группами пермян уже после дифференциации былой общности. А.И. Туркин отно-

сит время этих контактов к X—XI—IV —IV вв. и связывает их с взаимодействием предков коми-зырян и заволочской чуди в правобережной части Двинского бассейна (Вычегда, Вымь, Сысола, Луза), т.е. в землях, расположенных к востоку от исторической области Заволочье. А.К. Матвеев, первоначально высказывавший довольно оптимистические заключения о наличии древнепермского топонимического пласта в Заволочье,²⁹ позднее склонился к иному мнению. Согласно его последующим наблюдениям, в период русской колонизации предки коми-зырян обитали только в восточной части Подвинья, и прежде всего на Пинеге, но, очевидно, не сплошной массой, а отдельными поселениями — волостями.³⁰ “Вопрос о существовании пермских элементов в левобережье Северной Двины, — отмечал он, — остается открытым. Явных доказательств этого нет”.³¹ Разработки И.В. Власовой, основанные, правда, на довольно позднем актовом материале, также показывают, что зона расселения пермян на западе достигла только верховьев Двины и бассейна р. Юг.³² В связи с этим представляются интересными данные о расселении “тоймы” (“тоймичей”), связываемой исследователями с пермским языковым массивом³³ или же рассматриваемой в качестве пермской по основному компоненту группировки, но сложившейся на местной (допермской) основе и впитавшей большую примесь прибалтийско-финского этнического элемента.³⁴ О ее локализации свидетельствует содержащийся в “Слове о погибели Русской земли” XIII в. перечень языческих земель (“поганские земли”), подвластных христианам и достигавшим на востоке “Устьяга, где бяхо тамо тоймици погании”.³⁵ Племенной этноним имеет прямое соответствие в наименовании рек Верхней и Нижней Тоймы, впадающих с востока в Северную Двину. Судя по этим данным, тойма “была достаточно значительным по размерам племенем, сидевшим недалеко от Устьяга, т.е. на Северной Двине”,³⁶ в нижнем и, возможно, среднем ее течении. Признание пермской принадлежности “тоймичей” позволяет предполагать расселение древних пермян до восточного побережья Двины и их проживания на пограничье с Заволочьем.

В некоторых работах отстаивается мнение о еще более значительном продвижении пермских племен в IX—XIV вв. на запад. Так, Л.Н. Жеребцов включает в их ареал обширные пространства левобережья Двинского бассейна.³⁷ Очерчиваемая им западная граница проходит по среднему течению Сухоны (выше г. Тотьмы), левобережью нижней и средней Ваги (примерно до гор. Шенкурска) и далее поворачивает на восток. В результате в пермский ареал оказывается включенной часть Важской области, к которой и применялся в XI—XIII вв. сам термин “Заволочье” и с которой следует прежде всего связывать летописную чудь заволочскую.

На наш взгляд, вывод о широком распространении древних пермян на левобережье Двинского бассейна нуждается в дополнительном обосновании. Л.Н. Жеребцов в своих построениях придерживается ретроспективного метода, используя для реконструкции западных ареальных границ предков коми IX—XIV вв. источники значительно более позднего времени (в основном писцовые и переписные книги XVII—XVIII вв.), а также этнографические материалы, коррелируя их с данными субстратной топонимики, вопрос о пермской принадлежности которых, как отмечалось выше, остается открытым. Что касается поздних исторических документов, то далеко не всегда в них зафиксирован собственно пермский “адрес” обитателей западной части Подвинья. К тому же самим автором на богатом письменном материале XVII—XVIII вв. убедительно показано продолжавшееся в это время переселение различных этнических коллективов (например, коми-зырян, хантов и манси — на верхнюю Печору). Нельзя исключать того, что такие относительно поздние миграции осуществлялись коми-зырянами и в западном направлении. Вместе с тем вполне вероятно, что на левобережье Двины действительно проникали отдельные группы древних пермян. В пользу такого предположения свидетельствует как их намечающееся расселение вплоть до течения самой реки, так и общая этноисторическая ситуация конца I—начала II тысячелетия н.э. на восточноевропейском Севере, характеризующаяся активными миграциями различных племенных групп.

Сложность изучения проблемы чуди заволочской обусловлена слабой изученностью археологических памятников Подвинья. При этом древности I тысячелетия н.э., относящиеся к эпохе, предшествующей включению региона в систему связей с русскими землями, остаются по существу неизвестными. Последнее обстоятельство объясняется как крайней разреженностью заселения и малочисленностью популяций, рассеянных на обширных пространствах, так и вполне вероятной невыразительностью бедных металлом комплексов раннего средневековья, не позволяющих отделить их от более ранних древностей эпохи железа. Лишь с XI в. здесь выявляются немногочисленные “чудские” памятники, в сложной по составу культуре которых отразилась история населения Заволочья, постепенно втягивающегося в многообразные связи с Русью. В связи с этим и этнокультурная интерпретация известных к настоящему времени материалов XI—XIV вв. возможна лишь в общем контексте с процессом древнерусского освоения восточноевропейского Севера.

Вопросу о характере, путях и времени колонизационного процесса северорусских территорий посвящено большое число исторических и историко-географических исследований. Установлено, что активная роль в освоении внутренних районов Русского Севера принадлежала потокам, шедшим через Новгородскую землю и Ростово-Суз-

дальское (позднее Владимирское) княжество и известным под названием “новгородской” и “низовской” колонизации.

Скудность письменных известий о ранних этапах колонизации определила многозначность трактовок этого явления, среди которых намечаются две основных тенденции.³⁸ Согласно одной из них, восходящей к работам В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова и разделяемой многими современными исследователями, в X—XIII вв. имело место взрывообразное освоение северных районов древнерусским населением. По мнению других авторов (П.С. Ефименко, А.А. Кизиветтер и др.), колонизационное движение в это время ограничивалось серией военных походов, целью которых являлись покорение и обложение данью местных племен. Эта точка зрения во многом созвучна положениям, развитым в историко-географической работе А.Н. Насонова, согласно которым древнерусское освоение края сводилось прежде всего к распространению даней среди старожильского населения.³⁹ В большинстве же работ, как правило, признается сочетание обеих моделей колонизации при различной оценке их соотношения.

По широко представленному в литературе мнению древнейшей зоной западного освоения являлись низовья Северной Двины. Оно основано, прежде всего, на отождествлении этого района с Бьярмией скандинавских источников, упоминаемой с конца IX в.; приведенное в нескольких сагах название бьярмийской реки “Вина” и производные от данного гидронима наименования сопоставляются с Северной Двиной, “Двинским лесом” и устьем Двины.⁴⁰ В задачи данной статьи не входит специальное рассмотрение традиционной в отечественной и зарубежной историографии проблемы локализации Бьярмии, сведения о которой нередко носят легендарный характер.⁴¹ В суммарном своем виде простирающийся до северного океана Бьярманланд саг, “составляет, по существу, продолжение...зоны <географической неопределенности>, словно гигантским кольцом охватывающей <Гарды>, Русь”.⁴² Неясной остается и этническая принадлежность самих бьярмийцев — народа, по-видимому, финноязычного происхождения, в котором разные исследователи, исходя из общеоисторических построений, усматривают карелов, вепсов или чудь заволочскую.

В разработках последнего времени приведены доказательства в пользу того, что Бьярмия в узком понимании этого термина соответствует западной половине Беломорья, заключенной между реками Онегой и Варзугой (на юге Кольского полуострова), и нижнему течению Двины.⁴³ Наличие традиционных связей между областью “Тре” на юге Кольского полуострова и Двинской землей подтверждаются письменными источниками XIII — XVI вв. и материалами могильников XII — XIII вв. в бассейне Варзуги, которые обнаруживают замет-

ную культурную близость с синхронными древностями Поважья в среднем течении Двины.⁴⁴ К сожалению, в археологическом отношении Нижнее Подвинье остается пока по существу “белым пятном”, вследствие чего вполне вероятное предположение о проникновении сюда западных данщиков и купцов еще в конце I — начале II тыс. н.э. сохраняет свою гипотетичность.

Древнейшим историческим документом, фиксирующим распространение новгородского влияния на Заволочье, является грамота Святослава Ольговича 1137 г. об отчислении в пользу церкви св. Софии в Новгороде даней, собираемых на территории от Ладожского озера до устьев Онеги и Двины.⁴⁵ При этом грамота отражает традицию, установленную еще “при дедах и прадедах” и восходящую по меньшей мере ко времени основателя св. Софии — Владимира Ярославича⁴⁶. Очевидно, на раннем этапе наиболее активная роль принадлежала Ладоге — крупнейшему торгово-ремесленному поселению, занимавшему с VIII—IX вв. исключительно важное положение на перекрестке водных путей того времени⁴⁷. Это в свою очередь позволяет говорить об общерусском характере начальной колонизации Севера (еще в XI в. Ладога находилась в непосредственном подчинении Киеву).

Направление, по которому шло распространение ладожско-новгородской дани, восстанавливается по погостам, отмеченным в грамоте Святослава. Последние “вытянуты длинной лентой вдоль пути от Онежского озера к р. Онеге в сторону пути в Вельско-Важский край”.⁴⁸ Первый, по-видимому основной, путь от Онежского озера лежал по р. Водле и через волок и систему озер Волошево (или Волоцкое) и Кенозеро выходил на р. Онегу. Еще один путь шел по р. Вытегре, впадающей в Онежское озеро, затем волоком на оз. Лача и оттуда к Каргополю на Онегу.⁴⁹ С Онеги по притоку р. Моше, верховья которой сближаются с р. Велью, через волок можно было попасть в бассейн р. Ваги. Именно здесь располагалось становище, упомянутое в грамоте 1147 г.: “на Волоци в Моши”.

Второе ответвление начиналось ниже по течению Онеги, где использовался волок к р. Емце, впадающий в Северную Двину; этот путь фиксирован пунктом в устье Емцы. Наконец, следуя к устью Онеги, осуществляли выход к побережью Белого моря.

В перечне становищ XII в. наиболее легко локализуются пункты, топографически привязанные к течениям рек: на устье Ваги, Пуи (“Пуйте”), Вели, Пинеги и Тоймы. Ряд местностей расшифровывается по сохранившимся топонимам; это Ракула в нижнем течении Двины, Кегрола и, возможно, “у Вихтуя” на средней Пинеге. В целом, если исходить из списка местностей с четкой географической привязкой, северо-восточные пределы новгородского освоения того

времени ограничивались с востока Двиной с ее правыми притоками Пинегой и Тоймой, а с юго-востока — Сухоней.

Из текста источника остается неясным сам характер пунктов, в которых собирались дани. Это могли быть и общины, названные по именам своих старейшин, и территориальные единицы, и населенные пункты, куда являлись данщики, и, наконец, в отдельных случаях места остановок, пристани, где традиционно происходили контакты новгородцев с местным населением. Тот факт, что некоторые из них явно носят нерусские названия, свидетельствует о формировании древнейших податных единиц территорий — “землевладений”, по определению О.В. Овсянникова,⁵⁰ на базе территориально-административного деления местного финно-угорского населения.⁵¹

С середины XII в. в летописях появляются первые упоминания о действиях ростовских князей, связанные с Заволочьем. В 1178 г. в низовьях Сухоны при впадении в нее р. Юг был заложен форпост “низовской” колонизации Великий Устюг.⁵² По-видимому, во второй половине XII в. происходит раздел Заволочья на две зоны освоения: западную — новгородскую и восточную — верхневолжскую. Граница между ними проходила приблизительно с северо-запада на юго-восток, пересекая Северную Двину при впадении в нее Пинеги.⁵³

Археологические материалы, документирующие начальный процесс древнерусского освоения рассматриваемой территории, незначительны. В бассейне Двины и Ваги собственно славянских поселений и могильников XI—XIII вв. пока не выявлено, а довольно многочисленные городища этого региона относятся уже к последующему периоду (XIV—XV вв.), представляя сельские укрепленные центры феодальных вотчин.⁵⁴

Существенную информацию о путях освоения Заволочья содержат находки монетных и денежно-вещевых кладов, этническая принадлежность которых, правда, как правило, не поддается определению. Более всего обеспечена такого рода материалами западная часть водных магистралей, по которым осуществлялись связи ладожан и новгородцев с Подвиньем — но отрезке от р. Свири до Водлозера (рис. 1). Серия кладов, обнаруженных на Свири, принадлежит к XI—началу XII в., древнейший из них (Свирыстрой-II) датируется по младшим монетам 1015—1020 гг.⁵⁵ В XI—XII вв. денежные клады оседают в Северном Прионежье. К периоду после 1068 г. относится клад на озере Куштозеро (водораздел бассейнов Онежского и Белого озер).⁵⁶

Материалы могильников и поселений, тяготеющих к западной части пути, позволяют предполагать его освоение в еще более раннее время. Так, на Свири известны пять курганных групп, древнейшие из которых датируются X веком. Их особенностью является обилие в

инвентаре атрибутов военно-купеческого сословия.⁵⁷ Отдельные могильники X—XI вв., связанные в культурном отношении с Юго-Восточным Приладожьем, зафиксированы в Северном Прионежье.⁵⁸ В верхнем слое селища Суна VI (Северо-Западное Обонежье) представлены керамика и вещевые находки, имеющие аналогии в курганных древностях Приладожья X—начала XI вв.⁵⁹ Проникновение характерных типов приладожских изделий и керамических форм X—XI вв. фиксируется и на селищах, расположенных в юго-восточном Прионежье.⁶⁰ Наконец, показательно наличие средневековой лепной посуды, напоминающей керамику из приладожских курганов, на селищах Водлозера.⁶¹ Последний факт дополняется открытием на стоянке Илекса III (Водлозеро) вещевогоклада X—XI вв. с типично приладожскими изделиями.⁶² Таким образом, археологически подтверждается реконструируемое по историческим данным раннее проникновение обитателей Приладожья, традиционно связанных с древней Ладогой, в Заонежье и бассейн р. Водлы.

Между Заонежьем и Подвиньем нумизматические находки неизвестны. Однако показательно их наличие в бассейне самой Двины — у с. Благовещенское на р. Устья при впадении в нее р. Кокшеньги (дата зарытия около 1030 г.), в Стрелецкой слободе (междуречье Ваги и Сухоны) — серия монет Этельреда II (979—1016 гг.) и в окрестностях Великого Устюга.⁶³ Несмотря на малочисленность этих находок, они позволяют предполагать, что западная часть Подвинья не позднее первой половины XI в. уже входила в сферу западной торговли с Пермью, осуществлявшейся по Сухоно-Вычегодскому пути с его вероятными ответвлениями на север. Несомненна прямая или косвенная связь этого явления с начальным новгородским освоением Заволочья.

К более позднему времени относится вещевой клад у дер. Алфоровской в верхнем течении р. Устья.⁶⁴ Состав находок, датированных А.А. Спицыным XIII—XIV вв., свидетельствует о принадлежности клада торговцу — выходцу из Северо-Восточной Руси. Последний факт согласуется с тем обстоятельством, что бассейн р. Устья входил в зону верхневолжского освоения, а в XIV—XV вв. верховья реки традиционно считались “Ростовщиной”.

Рассмотренные данные лишь косвенно отражают включение Заволочья в орбиту древнерусского влияния. В значительно большей степени этот процесс выявляется на материалах финно-угорских могильников,кладах вещей и отдельных находках финского характера, анализ которых позволяет осветить и своеобразие культурных традиций местного населения.

Археологические данные об этнокультурной ситуации в Заволочье.

Первые находки средневековых древностей в Онежско-Двинском междуречье и западной части Подвинья были сделаны еще в конце XIX—начале XX в., но они по существу не учитывались. Не привлекли должного внимания и материалы первых раскопок “чуждских” могильников, осуществленных в 1920-е гг. Н.А. Черницыным в междуречье Ваги и Сухоны и на Кокшеньге. Лишь с возобновлением археологических работ в западной части Двинского бассейна в 1970—1980-х гг. этот важнейший и качественно новый вид источников начал использоваться для разработок историко-культурных и этнических вопросов.

Полоса к востоку от течения Онеги и в настоящее время почти лишена археологических находок. На территории, ограниченной течением Двины, Ваги и Сухоны и составляющей искомую зону загадочной чужды заволочской, выделяются три скопления памятников с финно-угорскими древностями: в среднем течении Ваги, в междуречье верхней Ваги и средней Сухоны, в среднем течении Кокшеньги — правого притока Ваги (рис. 3). Кроме того, единичные археологические объекты выявлены в прилегающих районах — верховьях Моши, притока Онеги, сближающейся своими верховьями с левыми притоками Ваги, и на Пинеге. Исходя из территориальной разобщенности известных памятников и их культурной разнородности, правомерно их рассмотрение по намечающимся отдельным регионам.

1. Среднее течение Ваги. Происходящие отсюда древности представлены отдельными находками и кладами “чуждских” вещей, из которых наиболее известна богатая коллекция украшений XI—XIII вв., обнаруженная у с. Воскресенского, близ впадения в Вагу ее правого притока р. Устья.⁶⁵ Характер последнего объекта остается неясным; по мнению А.А. Спицына, обнаруженные в нем вещи “происходят скорее всего, из могильника, если только это был не клад”.⁶⁶

В последние десятилетия О.В. Овсянниковым и В.А. Назаренко осуществлены стационарные раскопки могильников среднего Поважья — у д. Корбала, в устье р. Пуи и у с. Благовещенского, на стрелке рек Ваги и Устья. Основные результаты этих работ уже получили освещение в археологической литературе.⁶⁷

Погребальный обряд региона характеризуется распространением захоронений в срубных конструкциях, впущенных в могильные ямы прямоугольной формы. На раннем этапе (XI—начале XII в.) фиксируется практика обрядов трупосожжения и трупоположения, в XII—XIII вв. происходит полный переход к ингумациям. Ориентировка умерших южная и юго-восточная, не ранее конца XII в. появляются захоронения, обращенные головой на запад.

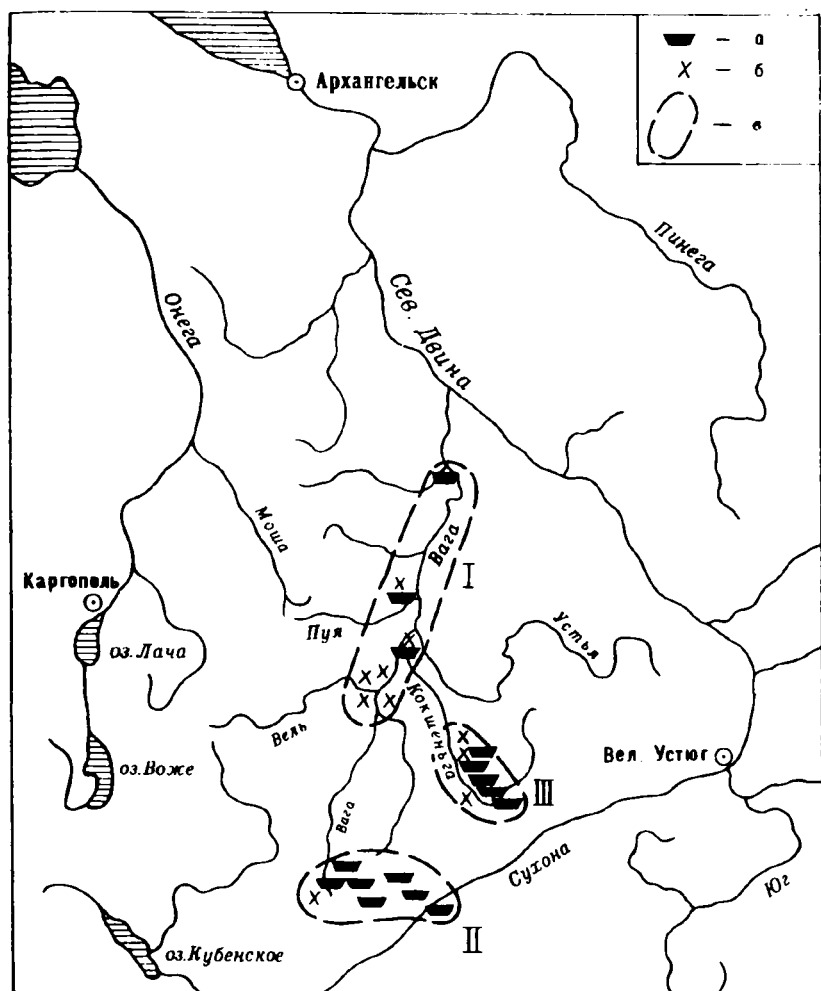

Рис. 3. Археологические памятники Заволочья XI—XIII вв.

а — грунтовые могильники; б — монетно-вещевые кладки и отдельные находки; в — локальные группы чуди заволочской (I — среднее течение р. Ваги; II — междуречье средней Сухоны и верхней Ваги; III — бассейн р. Кокшеньги).

Срубные конструкции, столь типичные для Важского бассейна, обнаруживают известное сходство с деревянными сооружениями в могильниках прибалтийско-финского населения Северо-Западного и Восточного Приладожья. Одновенчатые срубы зафиксированы и в могильниках перми вычегодской, где они составляют свыше 7% исследованных комплексов.⁶⁸ Их появление на древнепермской террито-

рии объясняется участием прибалтийско-финского компонента в формировании вымской культуры, причем могильники Ваги рассматриваются в качестве важного археологического звена, документирующего проникновение данной традиции в восточную часть Северодвинского бассейна.⁶⁹

Прибалтийско-финское происхождение срубных конструкций более чем вероятно. Вместе с тем нельзя не отметить своеобразия важских деревянных камер, сохранивших высоту до пяти венцов и перекрытых дерево-земляной кровлей. Очевидно, у некоторых групп чудского населения Заволочья в наиболее законченном виде была реализована общая для ряда финно-угорских племен идея воспроизведения во внутримогильных “домиках мертвых” реальных жилых построек.

Совокупность вещевого материала XI—XIV вв. характеризует прежде всего положение Поважья в системе широтных этнокультурных контактов, осуществлявшихся в полосе от Приладжья до районов древнепермского расселения. Вместе с тем показательна локализация здесь целого ряда металлических изделий, пользовавшихся особой популярностью у прибалтийско-финских племен Приладжья и Белозерья, но отсутствующих или представленных лишь единичными экземплярами в памятниках вымской и родановской культур. Сходство с лепной посудой более западных “чудских” областей фиксируется и в керамическом материале, имеющем местное происхождение. Прибалтийско-финский компонент дополняется находками, не характерными для Ладожско-Онежского межозерья, но известными в Юго-Восточной Прибалтике, Финноскандии и Северо-Западном Приладжье. Несомненно, прав был А.А. Спицын, который, основываясь на коллекции древностей из с. Воскресенского, писал, что средневековое население Ваги в культурном отношении было связано не столько с Камою, сколько с Западом.⁷⁰

В зону этнокультурного взаимодействия чуди Важского бассейна входили и некоторые волжско-финские группировки, обитавшие в основном к северу от Волги — в Ярославско-Костромском Поволжье и Ветлужско-Вятском междуречье. Это документировано ареальными границами бытования металлических изделий, характерных для древних марийцев и северо-восточной (костромской) группы мери, но одновременно наложившими заметное своеобразие на культуру рассматриваемого региона.

Бытование многих финно-угорских категорий инвентаря за пределами Поважья не исключает их органичного включения в состав местного убора. В многокомпонентной по составу культуре удастся выделить элементы, отражающие локальные традиции дорусских обитателей средней Ваги (использование умбоновидных бляшек для украшения женской обуви; распространение подковообразных пря-

жек со слитыми головками; появление в конце XII—XIII вв. своеобразного головного убора из кожи или ткани с металлическими элементами орнаментации; использование выработанного типа височных украшений — лунничных серег и др.).

2. Междуречье средней Сухоны и верхней Ваги. Известные к настоящему времени грунтовые кладбища локализованы на довольно ограниченном участке к северу от г. Тотьмы, в бассейне мелких рек — Единьги, притока Сухоны (Старовская Пустошь), Вожбалы, притока Царевы, впадающей в Сухону (Кудринская) и Сондуги, правого притока Ваги в ее верховьях (Марьинская, Семеновская); два могильника выявлены на Сухоне в окрестностях Тотьмы (Старототемский, Круглицкий). Начало их изучения положено в 1924—1929 гг. Н.А. Черницыным,⁷¹ в 1978—1979 гг. продолжено Н.В. Гуслистым.⁷²

Памятники расположены на прибрежных высоких холмах или же занимают склоны моренных гряд на некотором удалении от речных водоемов. Отмечено наличие трупоположений, однако большинство исследованных погребений представлено трупосожжениями XII—XIV вв., совершенными в ямах различной глубины и формы; имеются могилы чашевидных очертаний. Местной особенностью является покрытие ям каменными вымостками или забутовка валунами. Наряду с господствующей западной ориентировкой наблюдается спорадическое проявление юго-восточной ориентировки умерших. Многие погребения совершены в колодах, наблюдаются случаи покрытия костяков берестой, прослежены также подстилки из бересты, мха и хвои.

Каменные вымостки над могилами, отсутствующие в памятниках пермских племен, обнаруживают параллели с конструкциями древнекарельских кладбищ Северо-Западного Приладожья,⁷³ а также в территориально близком к Двинскому бассейну могильнике Воезеро I на р. Моши.⁷⁴ Использование камней для покрытия поверхности земляных могильных насыпей отмечено также на р. Шексне, в Волго-Клязьминском междуречье, Ярославском и Костромском Поволжье — в памятниках с ярко выраженным мерянским (иногда меряно-весским) культурным компонентом⁷⁵.

В материальной культуре ощущается сильное древнерусское влияние. С прибалтийско-финскими традициями можно сопоставить лишь проявление здесь единичных категорий древностей. Наиболее отчетливо прослеживается культурная близость региона с Костромским Поволжьем и марийским Ветлужско-Вятским междуречьем. При этом далеко не все сходные элементы могут объясняться проникновением волжско-финских форм на север. Такие характерные для междуречья Ваги и Сухоны украшения как ложновитые и витые височные кольца, лунничные серьги, модификации зооморфных по-

лых подвесок относятся к местному этноопределяющему убору. Сюда же следует причислить и представленные в захоронениях фибулы со слитыми головками.

3. Б а с с е й н р. К о к ш е н ь г и. Древности региона представлены отдельными находками и кладами “чуждских” вещей,⁷⁶ а также серией грунтовых могильников XII—XIV вв., исследовавшихся М.Б. Едемским⁷⁷, Н.А. Черницыным⁷⁸ и Н.В. Гуслистым.⁷⁹

В XII—XIV вв. здесь фиксируется сосуществование обряда кремации на стороне и захоронений несожженных трупов. Кремированные останки с углем и золой погребального костра ссыпались в небольшие круглые ямки, имевшие незначительную глубину. Трупосожжения совершались в довольно глубоких могилах, не имевших внешних признаков и погребальных конструкций. Неоднократно отмечались погребения в колодах, наряду с западной представлена юго-восточная ориентировка умерших.

Длительное бытование обряда кремации на соседних территориях наблюдается лишь у перми вычегодской, где на позднем этапе вымской культуры (XII—XIV вв.) трупосожжения даже доминируют над обычным положением.⁸⁰ Однако местный обряд существенно отличается от вымско-вычегодского. В памятниках перми вычегодской кремированные останки помещались в могилы, по форме и размерам в целом аналогичные ямам, содержащим труположения. Небольшие круглые ямки с сожжениями на р. Кокшеньге, очевидно, отражают древнюю ритуальную традицию, свойственную некоторым прибалтийско-финским и волжскофинским племенам второй половины I тысячелетия н.э., обитавшим к северу от Волги.

В материальной культуре региона наиболее отчетливо выражено влияние, шедшее из Новгородской земли. С северо-западным импульсом связаны такие популярные у населения бассейна Кокшеньги финно-угорские изделия, как полые коньковые подвески, превратившиеся в излюбленную разновидность местных украшений, бронзовые цилиндрические пронизки с рельефным узором и др. К локальным этнокультурным элементам относятся витые височные кольца и фибулы с сомкнутыми головками.

Финно-угорские традиции в памятниках западного Подвинья значительно ослаблены древнерусским культурным воздействием. Многие “чуждские” находки содержат информацию о направлении связей с соседними регионами и лишь в слабой степени могут быть использованы для этнических заключений. Тем не менее в сложной по составным компонентам культуре трех региональных группировок запечатлены следы исторических реалий, заметно отличающихся друг от друга, но одновременно обладающих и чертами сходства.

Присутствие в материальной культуре некоторых изделий, бытовавших у древних пермян, все же не дает оснований для вывода о

присутствии на рассматриваемой территории заметного пермского этнического элемента: все такие древности хорошо известны и в более западных регионах вплоть до Приладожья. Более показательно полное отсутствие в Заволочье округлодонной керамики, столь характерной для средневековых культур бассейна Камы и Вычегоды. Существенные различия намечаются и при сопоставлении элементов погребального обряда.

Прибалтийско-финский компонент представлен в памятниках всех трех территориальных скоплений памятников, но лишь в Важском бассейне он был явно преобладающим. Волжско-финские параллели связывают западное Подвинье с Костромским Поволжьем и Ветлужско-Вятским междуречьем — с северо-восточной группой мери и древними марийцами. При этом некоторые черты сходства имеют глубокие корни. Так, единое функциональное использование умбоновидных бляшек у чуди Заволочья и предков мари, не зарегистрированное у соседних прибалтийско-финских и пермских народов, вряд ли может быть объяснено лишь импортом самих изделий из Среднего Поволжья и их последующим изготовлением по привозным образцам.

Территориальные подразделения западного Подвинья сближаются по распространению в материальной культуре ряда этнически значимых элементов, ареал которых охватывает в основном Восточное Прионежье (Каргопольский край), Ярославско-Костромское и Марийское Поволжье. В отдельных случаях их появление обусловлено торговыми контактами, однако сам факт сложения местных этнографических черт дорусского населения Заволочья в условиях традиционного прибалтийско-волжского взаимодействия сомнений не вызывает.

Дополнительную информацию о культурном сходстве локальных подразделений Подвинья содержат некоторые безличные в этническом отношении разновидности древностей. Во всех территориальных группах памятников широко представлены шейные гривны. Вместе с тем в междуречье Сухоны и Ваги и на р. Кокшеньге полностью отсутствуют браслеты; на средней Ваге такие находки единичны, причем отмечены они лишь в наиболее ранних комплексах и имеют привносной характер.⁸¹ Первый признак резко отличает культуру Заволочья от культуры камско-вычегодских племен, в которой шейные гривны вообще не представлены. И наоборот, нераспространенность браслетов, достаточно характерных для более западных прибалтийско-финских (весских) группировок, сближает местный убор с одежным комплексом перми вычегодской.⁸²

Историко-культурная информация, полученная при анализе всей совокупности археологических источников, в целом согласуется с этнолингвистической концепцией, разработанной А.К. Матвеевым.

Их сопоставление позволяет объяснить сложный конгломерат сходных и отличительных признаков, прослеживаемых в культуре территориальных подразделений Заволочья.

Основу дорусского населения западной части Подвинья составляла группа древних племен (севернофинская этноязыковая группа, по А.К. Матвееву), занимавшая промежуточное положение между прибалтийско-финским и волжско-финским этническими массивами при большей близости к первому. Севернофинское наследие проявилось в формировании у обитателей Заволочья элементов убора, известных также у восточных подразделений прибалтийских финнов и в среде обитателей Заволжья; оно же наложило определенный отпечаток на своеобразие местных погребальных традиций. Вместе с тем археологические данные не дают основания предполагать существование здесь сколько-нибудь консолидированной северной “чудской” общности. Речь может идти лишь об отдельных и существенно отличающихся друг от друга группах родственного по происхождению автохтонного населения.

Еще до начала древнерусского освоения края этническая ситуация претерпела существенные изменения, вызванные продвижением в Заволочье прибалтийско-финских групп. По наблюдениям А.К. Матвеева, микротопонимика, фиксирующая их появление, образует мозаичную картину и свидетельствует об оседании новопоселенцев отдельными “гнездами”. В бассейне средней Ваги прибалтийско-финский суперстрат оказался в конечном итоге преобладающим; здесь прослеживаются лишь ослабленные черты поглощенного пришельцами севернофинского компонента. Обитатели Поважья были несомненно родственны более западным весско-карельским группировкам, хотя вследствие сложных ассимиляционных процессов и не могут отождествляться с последними.*

Инфильтрация прибалтийских финнов на среднюю Сухону и в бассейн Кокшеньги была менее значительной. Здесь еще в XII—XIV вв. сохранились самобытные островки севернофинского населения. Этим объясняется своеобразие местных традиций, отличающих обитателей

*

Предположительно именно в условиях смещения севернофинского и прибалтийско-финского населения при преобладающем “удельном весе” последнего и произошло оформление достаточно своеобразных погребальных сооружений — многовенчатых “домиков мертвых”, впущенных в могильные ямы. Именно с ними мы склонны связывать устойчивую фольклорную деталь в преданиях о побежденной чуди, жившей в ямах и ушедшей под землю. Не случайно современное население Русского Севера легко отождествляет западины на древних могильниках с “чудскими ямами”. Это в свою очередь позволяет прогнозировать наличие сходных внутримогильных сооружений и, соответственно, преобладание прибалтийско-финского этнического компонента в других районах ареала преданий о чуди — в полосе от р. Онеги до Северной Двины.

обоих регионов от пермских, прибалтийско-финских и волжско-финских культурных групп.

Положение об особой, севернофинской, принадлежности южных подразделений чуди Подвинья позволяет, на наш взгляд, прояснить характер средневековых памятников, выявленных в долине р. Лузы (приток Сухоны в ее нижнем течении) и связываемых с предками упоминаемой с XV в. лузской пермцы.⁸³ Н.В. Гуслисов, интерпретируя раскопанный им Марьинский могильник в междуречье Сухоны и верхней Ваги как памятник чуди заволочской, впервые обратил внимание на его заметную близость к культуре Лоемского могильника XII—XIV вв. на р. Лузе.⁸⁴ Такое заключение породило в литературе мнение о пермской принадлежности и самих “чудских” древностей указанного региона. Так, Л.Н. Жеребцов усматривает в Марьинском могильнике свидетельство сохранения в верховьях Ваги очагов пермянского населения, к концу XIV в. в основном уже сдвинутого с этой территории новыми колонизационными потоками или смешавшегося с соседями.⁸⁵

Действительно, памятники междуречья Сухоны и Ваги имеют определенное (хотя и не полное) сходство с древностями бассейна р. Лузы. Однако материалы погребений Лоемского могильника настолько отличны от пермских, что исследовавшая их Э.А. Савельева пришла к выводу: “В сложении лузской пермцы приняли участие определенные группы волжских или прибалтийских финнов, сохранившие в XII—XIV вв. свои традиции в изготовлении посуды, бронзовых украшений и в обряде погребения”.⁸⁶ Очерченный Савельевой круг аналогий находит соответствие в древностях марийцев, мери, муромы и мордвы, с одной стороны, и в материалах веси — с другой, но при этом и местный погребальный обряд, и вещевой комплекс настолько своеобразны, что не позволяют идентифицировать обитателей Полужья с какой-либо из указанных группировок. Наиболее вероятно, что средневековое население региона составляло одно из локальных подразделений севернофинских племен, вошедшее позднее в качестве субстрата в состав лузской пермцы (с XVII в. известной уже под названием зырян).

Таким образом, можно заключить, что ко времени включения западной части Подвинья в орбиту древнерусского влияния здесь проживало неоднородное по составу население, сближающееся по наличию в нем единого севернофинского компонента, который, однако, у некоторых групп являлся ведущим, у других же был в основном поглощен прибалтийско-финским суперстратом. Чудь заволочская, не составлявшая этнокультурного единства, не была родственна древнепермским племенам, не может она прямолинейно сопоставляться и с весью, даже при признании значительного весского (или близкого к весскому) компонента в культуре западных групп чуди.

Связи Заволочья с Русью археологически засвидетельствованы уже на материалах наиболее ранних чудских памятников XI—начала XII в. На первом этапе они выражались в проникновении в Подвинье славяно-русских изделий — украшений, орудий труда, бытового инвентаря, использовавшихся в качестве эквивалента в меховой торговле. Позднее здесь начинают прослеживаться явления, не сводимые только к торговым связям. В чудских погребениях конца XII—XIII в. на средней Ваге отмечена кружальная керамика древнерусских или близко напоминающих их форм, бытующая наряду с местными сосудами ручной лепки. В XII—XIV вв. гончарная посуда получила распространение и в остальных районах западной части Подвинья. Установлено, что с конца XII в. славянская керамика появляется в землях перми вычегодской. По мнению Э.А. Савельевой, такие находки наряду с попаданием на памятники замков, ключей, предметов христианского культа и многочисленных украшений древнерусского происхождения “свидетельствуют не только о торговых связях со славянами, но и о проникновении и оседании славян на Выми и Вычегде”.⁸⁷ Производилась ли такая керамика пришлыми мастерами, или же изготовлялась чудью, воспринявшей качественно новую технику гончарного производства и славянские формы посуды, в любом случае этот факт свидетельствует о непосредственных контактах финно-угров с первыми славянскими поселенцами, оседавшими в иноязычной среде или в ближайшем соседстве с аборигенами.

Не менее существенными представляются изменения в погребальной обрядности, обнаруживающей тенденцию к распространению однотипной западной ориентировки умерших и постепенному обеднению инвентаря. На материалах Усть-Пуйского могильника конца XII—XIII в. устанавливается корреляция между появлением трупоположений с западной направленностью и увеличением вещей новгородского происхождения. Для определенного этапа (XIII—XIV вв.) можно предполагать и внедрение в чудскую среду некоторых элементов христианства. В этом отношении показательно наличие в бассейне Кокшеньги захоронений с нагрудным крестами, вряд ли использовавшихся только в качестве украшений.

Судя по письменным источникам и данным археологического обследования, в Заволочье до XIV в. укрепленные поселения — опорные пункты колонизации — отсутствовали. По-видимому, на раннем этапе межэтнические контакты протекали в местностях, где происходил ежегодный сбор дани и осуществлялся торговый обмен с аборигенами. Здесь же могли оседать на постоянное жительство и русские поселенцы.

Погосты в значении определенных территориальных единиц фиксируются в актовых документах с XIV в., причем для некоторых из них устанавливается преобладание чудского населения. В этом отношении заслуживает упоминания хорошо известный в исторической литературе факт покупки в 1316—1318 гг.⁸⁸ новгородским боярином Василием Матфеевичем Шенкурского погоста с “тянущими” к нему территориями у старост погоста с явно финноязычной антропонимикой (“Азика, и Харагинец, и Ровда, и Игнатец, приехав от своей братьи”).⁸⁹ Отметим, что в пределах реконструируемого Шенкурского погоста⁹⁰ локализуются Аксеновский и синхронный грамоте Усть-Пуйский чудские могильники.

Обращение к указанному документу в сочетании с другими историческими источниками наводит на мысль о сохранении у чуди в XIV в. черт патриархального быта. В мировой грамоте с новгородским боярином староста Азика и остальные поименованные лица выступают от лица своей “братьи”. Как полагает Л.В. Данилова, это “представители отдельных семейных общин и других родственных коллективов, из которых состоял Шенкурский погост”.⁹¹

Проблема ассимиляции чуди, протекавшей в эпоху интенсивной колонизации Заволочья и слабо обеспеченной археологической информацией, решается в основном на ретроспективном использовании материалов этнографии, лингвистики, антропологии и фольклора с привлечением скудных исторических данных. Темпы самого процесса во многом определялись характером освоения территорий. М.В. Витов выделяет два типа колонизации Русского Севера: 1) колонизация, осуществлявшаяся в ходе массового переселения крестьян и сопровождавшаяся относительно быстрым изменением этнического состава (процесс главным образом этнический); 2) феодальный захват земель при монастырской или боярской колонизации, далеко не всегда сочетавшийся с широким продвижением русского крестьянства и вследствие этого определявший замедленные темпы ассимиляции финно-угров (процесс социально-экономический). Предложенная автором дифференциация не абсолютна, так как на Севере имело место частое переплетение этих процессов, но все же она позволяет наметить преимущественные зоны колонизации обоих типов: для первого из них — Нижняя Двина, Беломорское побережье, водораздел Ваги и Сухоны, Кокшеньга, верхняя Вага, Среднее Подвинье и участки Верхнедвинского бассейна; для второго окраинные районы на водоразделах по Онеге, в Прионежье, по Пинеге, Тойме и верхней Сухоне.⁹²

Вероятным выражением славяно-финно-угорского симбиоза являлись сложившиеся в конце XII—XIII в. группы довольно независимого и относительно самостоятельного населения (упоминаемые в летописях “двиняне”, “важане”, “пинегжане”, “вычегжане” и др.),

изначально тяготевшие к Ростову. Их формирование определялось синтезом аборигенных групп с пришельцами из верхневолжских земель, в составе которых были как славяне, так и неславянские элементы.⁹³

По наблюдениям В.Я. Дерягина и Л.П. Комягиной, основанным на изучении исторической лексики северных диалектов, по крайней мере с XV в. может быть прослежена отчетливая диалектная граница, проходящая по водоразделу Онеги и Двины. В то время как диалекты бассейна Онеги тесно связаны с Северо-Западом, двинские и важские изогlossen находят продолжение в южных и юго-восточных районах. “В конечном счете это объясняется, видимо, тем, что русские пришли на Вагу и Двину в основном из района Верхнего Поволжья”.⁹⁴ Отмеченная граница совпадает с зонами распространения ильменско-беломорского антропологического типа, сложившегося в ходе массовой новгородской колонизации, и верхневолжского, связанного с “низовским” направлением колонизации.⁹⁵

Таким образом, к XV в. на значительной территории Заволочья преобладал верхневолжский (владими́ро-московский) массив населения, новгородские же следы малозаметны. Начало этого явления связано с последствиями монголо-татарского вторжения в верхневолжские княжества, вызвавшего отток на север широких крестьянских масс и передвижку туда мелких княжеских родов. Результатом “низовского” движения явилось оформление во второй половине — конце XIII в. области Ростовщины на Среднем и частично Нижнем Подвинье, дополненной в XIV—XV вв. вновь возникающими “ростовщинами”.⁹⁶ Направление колонизации способствовало ускоренным темпам ассимиляционного процесса. На такую мысль наталкивают некоторые данные антропологии. М.В. Витовым выделен онежский антропологический тип, связываемый им с финно-угорским субстратом и отмеченный в обширной полосе от Онежского озера до Мезени. Этот финно-угорский по происхождению тип топографически не коррелируется с ильменско-белозерским, но зато образует отчетливую взаимосвязь с носителями верхневолжского антропологического типа.

Рассмотренная выше грамота о покупке Шенкурского погоста фиксирует проживание чуди в среднем Поважье в начале XIV в. О чуди того же района повествует и Житие Варлаама Важского (умер в 1467 г.), составленное в конце XVI в.⁹⁷ В беломорских грамотах XVI в. содержатся данные об особом поборе — “чудском постое”, который взимался властями с местного населения на пути проезда из охотничьих угодий чуди в Новые Холмогоры (Архангельск).⁹⁸ В рукописи Ричарда Джемса 1618—1620 гг. упоминается народ “чюди” около Холмогор, “издревле так называемый, который говорил на

языке, отличном от самоедов и лопарей; теперь там больше не находится”⁹⁹.

Известия о чуди содержатся и в ряде житийных списков, повествующих о событиях конца XIII—XIV в., которые приурочены к местностям между Онежским озером и р. Онегой.¹⁰⁰ К району Водлозера (по А.И. Попову) или, возможно, нижнему течению Двины (по Н.А. Мещерскому) относится “запись о мехах” новгородской берестяной грамоты N 2, датируемой рубежом XIV—XV вв., с перечнем местных прибалтийско-финских имен; в последних Попов усматривает отражение какого-то исчезнувшего чудского диалекта.¹⁰¹ Являлось ли это более западное население ответвлением древней веси, как это доказывает В.В. Пименов, или же здесь могли проживать иные, впоследствии ассимилированные финские группировки — судить, не имея об этом достаточных свидетельств, не беремся.

Процесс межэтнических контактов, начавшийся еще в домонгольский период, активизировался в Заволочье во второй половине XIII—XIV в., когда Важская область и прилегающие земли стали объектом крестьянской колонизации. Вместе с тем разреженность местного населения, рассеянность на больших пространствах и особенности его экономического уклада способствовали длительному сохранению финно-угорских общин. Заволочская чудь, по заключению М.В. Витова, была в значительной степени ассимилирована к XVI—XVII вв., “хотя отдельные островки этой загадочной этнической группы (которая, скорее всего, не была единой) сохранялись до XIX в.”.¹⁰² Это подразумевает включение определенного местного компонента в состав как средневековой русской народности, так и северных великорусов.

¹ Повесть временных лет. М.; Л.; 1950. Ч. 1. С. 10.

² Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 219 и сл.

³ Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С. 17.

⁴ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 2 // Соч. в 9 тт. М., 1988. Т. 2. С. 54.

⁵ Насонов А.Н. “Русская земля” и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 100—108.

⁶ Васильев Ю.С. Об историко-географическом понятии “Заволочье” // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 103—109.

⁷ См., напр.: Гадзяцкий С.С. Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941. С. 6.

⁸ Castren M.A. 1) Etnologische Vorlesungen über die altaischen Völker. Spb., 1857. S. 157; 2) Bemerkungen über Savolotsheskaja Tschud // M.A. Castrens kleinere Schriften. Spb., 1862. S. 86—106.

⁹ Европеус Д.П. К вопросу о народах, обитавших в Средней и Северной России до прибытия славян // ЖМНП. СПб., 1868. Ч. 139. С. 59.

¹⁰ Европеус Д.П. Об угорском народе, обитавшем в Средней и Северной России // Тр. 2 Археологического съезда. СПб., 1876. Т. 1, отд. IV. С. 81—103.

- 11 Зеленин Д.К. Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности? // Сб. ЛОИКФУН. Л., 1929. Вып. 1. С. 102.
- 12 Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947. С. 24 сл.
- 13 Туркин А.И. 1) Прибалтийско-финский и саамский компонент в этногенезе народа коми // Проблемы этногенеза коми. Сыктывкар, 1985. С. 54; 2) Этногенез народа коми по данным топонимики и лексики. Таллинн, 1985, С. 14; см. также: Туркин А.И. К вепско-карельским заимствованиям в коми-зырянских диалектах // Вопросы финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1970. Вып. 5. С. 156—159.
- 14 Серебренников Б.А. Всякое ли внешнее сопоставление допустимо? // СФУ. 1968. N 1. С. 39—46.
- 15 Попов А.И. Основные задачи исследования финно-угорской и саамской топонимики СССР // Вопросы финно-угорского языкознания: Грамматика и лексикология. М.; Л., 1964. С. 206.
- 16 Попов А.И. Названия народов СССР: Введение в этнонимистику. Л., 1973. С. 71—72.
- 17 Попов А.И. Географические названия: (Введение в топонимику). М.; Л., 1965. С. 82—83.
- 18 Пименов В.В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965, С. 117—170.
- 19 Там же. С. 155.
- 20 Там же. С. 151—152.
- 21 Там же. С. 164.
- 22 Матвеев А.К. 1) Историко-этимологические разыскания: 1. Из опыта изучения севернорусской топонимики на -*ньга* // Учен. зап. Урал. ун-та им. А.М.Горького. Свердловск, 1960. Вып. 36. С. 85—120; 2) К проблеме происхождения севернорусской топонимики // Вопросы финно-угорского языкознания: Грамматика и лексикология. М.; Л., 1964. С. 190—191.
- 23 Матвеев А.К. Субстратная топонимика Русского Севера // ВЯ. 1964. N 2. С. 68, 74. Рис. 1.
- 24 Матвеев А.К. К проблеме происхождения... С. 191.
- 25 Матвеев А.К. Субстратная топонимика... С. 82—83.
- 26 Там же. С. 83.
- 27 Матвеев А.К. Происхождение основных пластов субстратной топонимики Русского Севера // ВЯ. 1969. N 5. С. 42—45.
- 28 Туркин А.И. 1) Прибалтийско-финский и саамский компонент... С. 54—60; 2) Этногенез народа коми... С. 13—16.
- 29 Матвеев А.К. Есть ли древнепермская топонимика в Заволочье? // СФУ. 1965. N 3. С. 207—211.
- 30 Матвеев А.К. 1) Пермские элементы в субстратной топонимике Русского Севера // СФУ. 1968. N 1. С. 27—37; 2) Из истории изучения субстратной топонимики Русского Севера // Вопросы топонимистики. Свердловск. 1971, N 5. С. 7—34.
- 31 Матвеев А.К. Пермские элементы... С. 36—37.
- 32 Власова И.В. Этнический состав населения в верховьях Северной Двины и ее притоках по переписям XVIII — первой половины XX в. // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973. С. 32.
- 33 Попов А.И. 1) Основные задачи исследования... С. 107; 2) Географические названия... С. 57—59.

- 34 Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения... С. 26—40. Карта 1; см. также: Жеребцов Л.Н. Обзор источников по расселению коми // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока: Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1982. N 3. С. 61—62.
- 35 "Слово о погибели Русской земли" Публ. В.И. Малышева // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 188.
- 36 Попов А.И. Географические названия... С. 58—59.
- 37 Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения... С. 26—40. Карта 1; см. также: Жеребцов Л.Н. Обзор источников по расселению коми // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока: Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1982. С. 61—61.
- 38 См. обзор: Макаров Н.А. Археологические данные о характере колонизации Русского Севера в X—XIII в. // СА. 1986. N 3. С. 61—62.
- 39 Насонов А.Н. "Русская земля"... С. 99—110.
- 40 Глазырина Г.В. География Восточной Европы в сагах о древних временах // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1986 год. М., 1988. С. 231—232.
- 41 См., напр.: Тиандер К.Ф. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906; Матузова В.И. Английские средневековые источники IX—XIII вв. М., 1979. С. 30—32; Джексон Т.Н., Глазырина Г.В. 1) Бьярмия в отечественной историографии // История и археология Пскова и Псковской земли: Тез. докл. предстоящей науч.-практ. конф. Псков, 1986. С. 62—64; 2) Русский Север в древнескандинавской письменности: Отечественная историография вопросов о локализации Бьярмии. XVIII—XIX вв. // История и культура Архангельского Севера: (Досоветский период). Вологда, 1986. С. 7—14; Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986. С. 197—201.
- 42 Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе: Ист.-археол. исслед. Л., 1985. С. 188.
- 43 Джексон Т.Н., Мачинский Д.А. Связи Северной Руси и Беломорья в IX—XIII вв. (по данным письменных источников) // Внешняя политика Древней Руси: Юбил. чтения, посвящ. 70-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто. Тез. докл. М., 1988. С. 24—29; Джексон Т.Н. Русский Север в древнескандинавских сагах // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 58—66.
- 44 Овсянников О.В. Средневековый грунтовый могильник на Терском берегу // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 84—88; Овсянников О.В., Рябинин Е.А. Средневековые древности Кольского полуострова // Финны в Европе. VI—XV вв.: Прибалтийско-финские народы. Ист.-археол. исслед. М., 1990. Вып. 2. С. 125—134.
- 45 Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 148.
- 46 Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX вв. Л., 1983. С. 6.
- 47 Насонов А.Н. "Русская земля"... С. 104—105; Бернштам Т.А. Поморья: формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. С. 20—26; Джексон Т.Н. Русский Север... С. 63 и др.
- 48 Насонов А.Н. "Русская земля"... С. 99.
- 49 Там же. С. 100; Витов М.В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. М., 1962. С. 43—44, 50.
- 50 Овсянников О.В. Города Архангельского Поморья эпохи средневековья: Ист.-археол. исслед. // Автореферат дис. ... докт. ист. наук. Л., 1989. С. 14—15.

- 51 Данилова Л.В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле. М., 1955. С. 208.
- 52 Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 93.
- 53 Бернштам Т.А. Роль верхневолжской колонизации в освоении Русского Севера // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973. С. 19—20.
- 54 Овсянников О.В. 1) Сельские укрепленные поселения XV в. в бассейне рек Северной Двины и Ваги // Проблемы истории Новгорода и Новгородской земли XV в.: Тез. докл. и сообщ. науч. симпоз. Новгород, 1986. С. 36—37; 2) Города Архангельского Поморья... С. 15—16.
- 55 Потин В.М. Топография находок западноевропейских монет X—XIII вв. на территории Древней Руси // Тр. ГЭ. Л., 1967. Т. 9. С. 146—152.
- 56 Там же. С. 161.
- 57 Спиридонов А.М. Северное Приладожье и Прионежье в X—XV вв. // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987. С. 6.
- 58 Кочуркина С.И. Курганы северного побережья Онежского озера // Археологические исследования в Карелии. Л., 1972. С. 103—112.
- 59 Косменко М.Г. Двухслойное поселение в устье р. Суны // Средневековые поселения Карелии и Приладожья. Петрозаводск, 1978. С. 150—157.
- 60 Песонен П.Э. Памятники раннего средневековья на Муромском озере // Археологические исследования в Карелии. Л., 1972. С. 95—102.
- 61 Косменко М.Г. 1) Исследования на Водлозере // АО 1983 года. М., 1985. С. 16; 2) Работы Водлозерского отряда // АО 1984 года. М., 1986. С. 12.
- 62 Савватеев Ю.А. Археологические исследования на территории Карелии // Средневековые поселения Карелии и Приладожья. Петрозаводск. 1978. С. 29—30.
- 63 Потин В.М. Топография находок... С. 161, 176.
- 64 Едемский М.Б. О старых торговых путях на Севере // ЗОРСА. СПб., 1913. Т. 9. С. 37—42.
- 65 Спицин А.А. Археологический альбом // ЗОРСА. Пг., 1915. Т. 11. С. 240—244; Tallgren A.M. Biarmia // ESA. Helsinki, 1931. Bd. 6. P. 100—114.
- 66 Спицын А.А. Археологический альбом. С. 240.
- 67 Ovsyannikov O.V. First-discovered burialfield of "Zavolochye Tshud" // Fenno-ugri et Slavi. Helsinki, 1980. P. 228—236; Овсянников О.В. Исследования в Архангельской области // АО 1986 года. М., 1988. С. 32; Назаренко В.А. Новый памятник заволочской чуди // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 144—147; Назаренко В.А., Овсянников О.В., Рябинин Е.А. Археологические памятники Чуды Заволочской // СА. 1984. N 4. С. 197—216; 2) Чудь Заволочская // Финны в Европе. VI—XV вв. Вып. 2. С. 93—101.
- 68 Истомина Т.В. Погребальный обряд перми вычегодской (X—XIV вв.) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983. С. 7; Савельева Э.А. Вымские могильники XI—XIV вв. Л., 1987. С. 22—28.
- 69 Савельева Э.А. Этногенез коми-зырян // Серия препринтов "Научные доклады" Коми филиала Академии Наук, Сыктывкар, 1985. Вып 130(18). С. 14.
- 70 Спицын А.А. Археологический альбом. С. 204.
- 71 Отчет о раскопках Н.А. Черницына и Е.И. Праведникова в Тотемском уезде // Арх. ИИМК, ф. 2, 1924, N 168; Раскопки Н.А. Черницына в пределах Тотемского уезда // Там же, ф. 2, 1929, N 142; Черницын Н.А. 1) Археологическая карта Тотемского района

Вологодской области // КСИИМК. 1950. Вып. 35. С. 146—148; 2) Угро-финские могильники на территории Вологодской области // СА. 1966. N 4. С. 196—201.

72 *Гуслистов Н.В.* 1) Марьинский могильник // Вопросы финно-угроведения: Этнография, антропология, археология, фольклористика, литературоведение. Тез. докл. на XVI Всесоюз. конф. финно-угроведов. Сыктывкар, 1979. С. 6; 2) Раскопки и разведки в Вологодской области // АО 1979 года. М., 1980. С. 7.

73 *Кочкуркина С.И.* Древняя корела. Л., 1982. С. 40 след.

74 *Макаров Н.А.* Работы Онежско-Сухонского отряда // АО 1983 г. М., 1985. С. 20.

75 *Рябинин Е.А.* Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986. С. 30.

76 *Спицын А.А.* Древности Севера. Тотьма, 1926. С. 11; *Едемский М.Б.* Кокшеньгская старина // ЗОРСА. СПб., 1905. Т. 7, вып. 2. С. 8—9; *Рябинин Е.А.* О средневековых древностях Заволочья (по находкам в бассейне Кокшеньги) // СА. 1981. N 3. С. 66—72.

77 *Едемский М.Б.* Кокшеньгская старина. С. 8—9.

78 *Черныцын Н.А.* Из доисторического прошлого Кокшеньги // Арх. ИИМК, ф. 2, 1925, N 190.

79 *Гуслистов Н.В.* Раскопки и разведки в Вологодской области. С. 7.

80 *Савельева Э.А.* 1) Пермь вычегодская: К вопросу о происхождении народа коми. М., 1971. С. 80—101; 2) Этногенез коми-зырян. С. 13.

81 Ср.: *Макаров Н.А.* О некоторых комплексах середины — третьей четверти I тысячелетия н.э. в Юго-Восточном Прионежье и на р. Сухоне // КСИА. 1986. N 183. С. 29—30; *Рябинин Е.А.* Могильник и селище у д. Попово на р. Унже // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья. М., 1989. С. 127—170.

82 Ср.: *Савельева Э.А.* 1) Пермь вычегодская ... С. 57 сл.; 2) Вымские могильники... С. 130—131.

83 *Савельева Э.А.* Лузская пермца // Науч. докл. Коми филиал Академии Наук. Сыктывкар, 1972.

84 *Гуслистов Н.В.* Марьинский могильник, С. 66.

85 *Жеребцов Л.Н.* Историко-культурные взаимоотношения... С. 34.

86 *Савельева Э.А.* Лузская пермца. С. 23.

87 *Савельева Э.А.* Вымские могильники... С. 172—173.

88 *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина: Ист.-генеалог. исслед. М., 1981. С. 85.

89 Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М., Л., 1949. С. 279—280 (N 279). Чудское происхождение имен Азика, Ровда определено Д.В. Бубрихом (см.: *Бубрих Д.В.* Происхождение карельского народа. С. 29.).

90 *Зарубин Л.А.* Важная земля в XIV—XV вв. // История СССР. 1970. N 1. С. 182—183; *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина... С. 84—87, 99.

91 *Данилова Л.В.* Очерки... С. 268.

92 *Витов М.В.* Историко-географические очерки Заонежья... С. 46—49; см. также: *Власова И.В.* Этнический состав... С. 35—36.

93 *Бернштам Т.А.* 1) Роль верхневолжской колонизации... С. 24—26; 2) Поморы... С. 30.

94 *Дерягин В.Я., Комягина Л.П.* Из истории диалектных границ в Северной России // ВЯ. 1968. N 6. С. 110.

⁹⁵ *Витов М.В.* Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера // История СССР. 1964. N 6. С. 8—109.

⁹⁶ *Бернштам Т.А.* Роль верхневолжской колонизации... С. 29—30, 33.

⁹⁷ *Ефименко П.П.* Заволоцкая Чудь. Архангельск, 1869. С. 37; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI вв.). Ч. 1. С. 429.

⁹⁸ *Пименов В.В.* Вепсы... С. 189.

⁹⁹ *Симони П.К.* Заметки Ричарда Джемса о чуди, лопарях, самоедах и черемисах: Из рукописи 1618—1620 гг. // Сб. ЛОИКФУН. Л., 1929. Вып. 1. С. 126.

¹⁰⁰ *Пименов В.В.* Вепсы... С. 141, 146, 186—188.

¹⁰¹ *Попов А.И.* Прибалтийско-финские имена в новгородских берестяных грамотах // Тр. Карел. филиала Академии Наук. Петрозаводск. 1958. Вып. 12. С. 95—100; *Меуцкерский Н.А.* Новгородские грамоты на бересте как источник для исторического изучения прибалтийско-финских языков // Вопросы финно-угорского языкознания: Грамматика и лексикология. М.; Л., 1964. С. 194—198.

¹⁰² *Витов М.В.* Историко-географические очерки Заонежья... С. 71—72.